

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Читайте романы Натальи АЛЕКСАНДРОВОЙ в серии «Артефакт & Детектив»:

Хранитель Чаши Грааля
Клавесин Марии-Антуанетты
Сокровища Ирода
Завещание алхимика
Кинжал всевластия
Шкатулка Люцифера
Клад Наполеона
Тайна золота инков
Последний ученик да Винчи
Волшебный город
Талисман египетской царицы
Легенда о «Ночном дозоре»
Венец Чингисхана
Проклятие Осириса
Последняя загадка Ивана Грозного
Маска Нерона
Медальон инквизитора
Табакерка Робеспьера
Дублон капитана Флинта
Зеркало Лукреции Борджиа
Клинок князя Дракулы

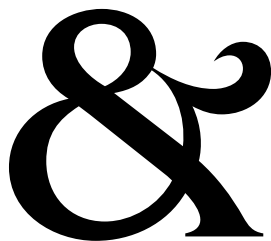
Перстень Екатерины Великой
Ожерелье казненной королевы
Ларец графа Сен-Жермен
Монета Александра Македонского
Приворотный амулет Казановы

Наследство Марко Поло
Меч с берегов Валгаллы
Звезда Ассирийского царя
Золото Атлантиды
Осколок Тунгусского метеорита
Волшебный компас Колумба
Неизвестный шедевр Рембрандта
Амулет снежного человека
Ключ Гермеса Трисмегиста
Ожерелье богини Кали
Завещание короля Балдуина
Амулет Великого Слона
Колокольчики династии Минь
Золотая булавка

Сериал «Венецианский квартет. Крест святого Петра»

Таинственный сапфир апостола
Петра   Магический камень
апостола Петра   Огненный рубин
апостола Петра   Священ-
ный изумруд апостола Петра

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Фермуар
последней
фрейлины**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление серии *С. Курбатова*

Художник *Н. Кудря*

Александрова, Наталья Николаевна.
А46 Фермуар последней фрейлины : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-98783-2

Все началось сто лет назад вместе с историей, которая потрясла мир. Император казнен, в стране переворот, лучшие фамилии, цвет нации, в спешке покидают Россию. Ей, фрейлине последней императрицы, не спасти гибнущую династию, но сохранить ожерелье, которое хранит тепло рук последних Романовых, она обязана. Кружным путем, через Турцию и Балканы, алмазный фермуар императрицы попадет в Европу, чтобы еще не раз защитить тех, кто нуждается в заботе и милосердии. И кто кого сейчас хранит — Настя, случайная наследница той самой фрейлины, эту алмазную диковину, или фермуар ее, запутавшуюся и наивную костюмершу петербургского театра?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98783-2

© Александрова Н.Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Настя вышла из маршрутки на углу Литейного и Пестеля и пошла к Пантелеймоновской церкви, подставив лицо весеннему солнцу и чуть заметно улыбаясь собственным мыслям. Любимое место, любимое время года. Весна вступила в свои права, прогрела иззябший за зиму город ласковыми лучами, внушила обитателям надежду и уступила место лету.

Немного не доходя до церкви, она свернула в домовую арку, перекрытую широкими коваными воротами. Ворота, как всегда, были открыты, и улыбка на Настином лице поблекла: двор у них хоть и аккуратный, но запросто можно нарваться на местную шпану. Лучший район города, «золотой треугольник», два шага до Летнего сада и Инженерного замка, а попадаются на редкость неприятные экземпляры. Как в Ноевом ковчеге — семь пар чистых, семь пар нечистых. И никогда не знаешь, с какой парой столкнешься.

Настя прибавила шаг, чтобы поскорее пересечь двор и дойти до своего подъезда. Но не успела. Навстречу из соседней подворотни выступили двое, один лучше другого — рыжий, с бесцветными на-

глыми глазами и болячкой на губе, и темный, с сальными волосами и подбитым глазом.

Вот уж точно пара нечистых.

— Девушка, — окликнул ее рыжий, — вы куда так спешите? Разговорчик к вам имеется!

— Некогда, меня муж ждет! — Настя постаралась не показать ни испуга, ни неприязни и попыталась обойти шпану по широкой дуге.

Но те были настроены серьезно. Темноволосый преградил ей дорогу, набычился, рыжий подскочил сбоку и снова зачистил:

— Куда вы, куда? Говорят же: разговор есть.

— А она с нами не хочет разговаривать. — Темноволосый налился злобой. — Мы не ее полета птицы. Она нас, Витася, мелко видит. Видишь же, Витася, она из этих, из богатеньких!

— Ребята, не надо! — Настя все еще пыталась спустить все на тормозах. — Какая я богатенькая? Говорю вам, как-нибудь в другой раз пообщаемся, а сейчас мне некогда...

Она быстро огляделась.

У них во дворе всегда кто-нибудь мелькал — или кто-то из соседей, или дворник, или сантехник. Но сейчас, когда это было так нужно, не было ни души.

— Некогда ей! — прошипел темноволосый и сплюнул под ноги. — Сейчас ты для нас найдешь время.

Он схватил Настину сумку, рванул на себя.

Сумку она выпустила — там не было ничего ценного. Кошелек и мобильный телефон она носила в карманах куртки, а сама сумка старая, потертая. Да никакая сумка на свете не стоит неприятностей, которые сулили налитые кровью глаза брүнета. В душе, однако, поднялась злость.

— Доволен? — Она пристально смотрела брюнету в глаза. — Взял сумку — теперь вали с дороги!

— Ишь как заговорила, — удивился тот. — Нет, шлюшка, ты от нас так легко не отделаешься! Мы с Витасиком с тобой разберемся по полной программе! Правда, Витась?

— Да не горячись, Геша, — отозвался сзади рыжий. — Она девушка умная, сейчас сама с нами задружится. — Рыжий обхватил ее сзади, и она даже сквозь одежду почувствовала, какие у него потные и грязные лапы.

— Отвянь, козел! — Слова были из чужого, не ее словаря. В следующую секунду она изо всех сил пнула рыжего по ноге.

Видно, попала хорошо, потому что он разжал руки и заохал от боли. Зато брюнет разъярился пуще прежнего и врезал Насте по лицу. Она вскрикнула и почувствовала, как из носа потекло горячее.

Теперь надежды на мирное урегулирование не осталось, нужно было защищаться всеми доступными способами. Настя выбросила вперед ногу, пытаясь попасть брюнету в самое уязвимое место, но тот отскочил. Рыжий уже очухался и снова обхватил ее поперек туловища.

Брюнет, пыхтя и злобно сверкая глазами, навалился на нее и попытался сорвать куртку. Настя почувствовала на своем лице его дыхание — смесь чеснока, пивного перегара и мятной жвачки. Хотела заорать, но тошнота подступила к горлу. И как назло во дворе ни души!

Вдруг за спиной у бандита раздался удивительно знакомый голос:

— А ну, сволочи, отпустите девушку!

Брюнет развернулся, набычился, прошипел:

— Это кто у нас такой умный?

— Я! — Кулак голубоглазого блондина, описав красивую дугу, врезался в его скулу. Темноволосый покачнулся, отступил, оглянулся на своего напарника. Рыжий на помощь не спешил. Он уже выпустил Настю и метнулся к воротам, успев бросить на ходу:

— Тикаем, Геша!

Геша пару секунд колебался, но Настин спаситель уже шел на него, размахивая кулаками. Рыжий пустился наутек.

— Настена, ты? — удивился блондин.

— Вот уж не думала, что буду тебе рада! — Настя шарила по карманам в поисках платка.

— На, возьми! — Блондин, он же бывший муж Сергей, протянул ей платок, и она приложила его к разбитому носу.

— Как ты? — Сергей подошел ближе.

— Сам видишь как, — огрызнулась Настя. — Лучше всех!

— Пойдем, я тебя хоть до квартиры провожу.

Она хотела снова огрызнуться, послать его подальше, но устыдилась. Все-таки он действительно спас ее от этих паразитов.

Где-то наверху стукнуло окно, и старушечий голос спросил:

— Девушка, что с вами случилось? На вас напали?

В голосе был такой жгучий интерес, что Настю передернуло.

— Не напали, просто она крысу увидела! — крикнул Сергей. — Крыс у вас просто пропасть, вон одна по стене ползет, прямо к вам!

Окно с треском захлопнулось. Сергей обхватил Настю за плечи и потащил к подъезду. В обнимку

они поднялись на ее третий этаж. Там он взял у нее из рук ключи.

— Я сама, — слабо запротестовала Настя.

— Ладно уж, — отмахнулся он. — Лучше вон платок крепче прижми, а то всю куртку кровью заляпашь.

Она прижала платок сильнее и чуть не вскрикнула от боли. Неужели эти подонки сломали ей нос? Что же это такое? Сто лет она ходит по этому двору, и никогда ничего не случалось. Посвистят подростки, крикнут вслед что-нибудь — и все. А здесь, можно сказать, среди бела дня... Напали, сумку вырвали, едва не изнасиловали — совсем эти двое не в себе были, что ли? Обкурились, наверное, какой-то дрянью. Ладно, что об этих уродах думать.

Она споткнулась на пороге: закружилась голова. Сергей крепко взял ее за локоть и втолкнул в прихожую. Настя плюхнулась на пуфик у двери и запрокинула голову, чтобы кровь не капала на пол и на одежду.

Сергей закрыл дверь и огляделся с любопытством.

— О, — сказал он, — ты обои переклеила, и тумбочка новая.

Настя вспомнила, как два года назад один из троих страшных мужчин, что приходили за деньгами, напоследок пнул тумбочку, на которой стоял телефон, и тот упал на пол и разбился. Тумбочка с проломленной дверцей больше ни на что не годилась, и Настя вынесла ее по частям на помойку.

— А ты чего сидишь? — спросил он по-деловому. — Тебе умыться нужно и холодное к носу приложить, а то распухнет — завтра себя в зеркале не узнаешь.

Здесь он прав. Настя хотела встать, но ноги не держали. Вешалка, тумбочка, тапки внезапно закру-

тились в хороводе. Она закрыла глаза и прислонилась головой к стене.

— Эй, ты жива? — Сергей встряхнул ее за плечи. Голова взорвалась болью, зато перестала кружиться, так что когда Настя с опаской открыла глаза, оказалось, что все вещи в прихожей стоят на своих местах.

Сергей между тем ловко расстегнул на ней куртку, помог подняться и подтолкнул к двери ванной.

— Дверь не закрывай, — сказал он, пуская холодную воду, — вдруг тебе плохо станет.

Настя поглядела на себя в зеркало. Если бы были силы, она бы сейчас заорала от страха. На нее смотрела жуткая рожа, какую не в каждом фильме ужасов увидишь. Волосы спутались, глаза из-за размазанной туши выглядят, как у очкового медведя. Тушь пополам с кровью стекает по щекам на шею. Несмотря на платок, кровь попала на блузку. Ладно, черт с ней.

Настя наклонилась над раковиной и принялась плескать в лицо холодной водой. Через пару минут в голове слегка прояснилось. Она вытерла лицо полотенцем. Кровь из носа шла, но меньше. Нос, если не задевать, болел вполне терпимо. В зеркало она решила не смотреть, чтобы не расстраиваться.

— Насть, ты как? — Сергей приоткрыл дверь.

— Нормально. — Она старалась говорить как можно тверже. — Сейчас выйду.

И правда, голова не кружилась, ноги не дрожали. Она добрела до кухни, всего пару раз опершись на стену.

Кажется, в холодильнике у нее был лед, и воды выпить не помешает. Однако от небольшого усилия, требовавшегося, чтобы открыть холодильник, в глазах снова потемнело, стены закачались и поплыли.

— Да погоди ты! — Сергей подхватил ее и усадил на стул. — Слушай, может у тебя сотрясение мозга?

Совсем близко она увидела его глаза и поняла, что он беспокоится искренне. Словами он мог играть, на словах он врал ей бесконечно. Но с глазами поделаться ничего было нельзя — по глазам она всегда видела, когда он врет. Не сразу, конечно, со временем научилась.

Сейчас он не врал, сейчас он в самом деле за нее волновался. Настя поглядела на стену, где висела тарелка, которую они привезли когда-то из Турции. Тарелка вела себя прилично — не двоилась, не трюсилась, не крутилась в безумном танце. Закрывает левый глаз и снова посмотрела на тарелку. Потом то же проделала с правым.

— Нет у меня никакого сотрясения, — с облегчением вздохнула она, — не стоит так переживать.

— Как это? — он возмутился. — На тебя напали, едва не...

— Да ничего бы они не сделали, попугали только. — Насте хотелось, чтобы голос звучал как можно естественней. — Так что спасибо тебе, конечно, что этому подонку врезал, но...

— Подожди-ка! — Он уже достал из морозильника лед и положил в пакет, который хозяйской рукой нашарил в ящичке кухонного стола. Пакет со льдом он завернул в полотенце и подал ей, чтобы приложила к носу.

— Держи подольше, а то завтра нос будет, как мяч.

«Сама знаю», — подумала Настя, но вслух ничего не сказала. Все-таки он спас ее от этих отморожков, здорово помог.

Она прижала холодный сверток к носу. Поначалу было так больно, что выступили слезы, и Настя за-

крыла глаза, чтобы Сергей их не увидел. Еще начнет жалеть, а ей этого совсем не хотелось. Ей хотелось выпить горячего сладкого чаю и лечь в мягкую постель. Можно еще таблетку от боли, и тогда проспать до утра. А утром уже сокрушаться по поводу носа и истрепанных нервов.

Но если она сейчас покажет слабость, Сергей ни за что не уйдет. Будет суетиться возле нее, охать, принесет чай в постель, станет искать лекарство. Еще придумает, что ей нельзя быть одной, — вдруг кровь не остановится или совсем плохо станет, попросится ночевать... Ей ли не знать, каким он может быть убедительным.

А у нее нет сил с ним спорить. Это сейчас она еще кое-как держится на адреналине, а через какое-то время совсем расклеится.

Настя пошевелилась и переложила пакет со льдом в левую руку. Правой она залезла под воротник блузки и нащупала под ключицей еле заметный шрам. Теперь это была тонкая ниточка, которую скоро нельзя будет заметить. Но пока нащупать можно. Шрам зачесался — именно этого она и добивалась.

Перед глазами тут же встала картина: один из троих страшных мужчин, самый молодой, с совершенно белыми пустыми глазами, держит нож у ее шеи. Он вдавливая его неторопливо, но сильно. Другой в это время говорит, что еще немного, и нож перережет сонную артерию. Тогда Настю уже ничто не спасет — она истечет кровью за несколько минут.

Боли она тогда не чувствовала, просто ужас. Если бы этот тип не убрал нож, она бы, наверное, от ужаса умерла.

Но он убрал, потому что Сергей — избитый, с выкаченными безумными глазами — сунул главному

все деньги, которые были отложены на черный день и на отпуск. И еще прабабушкины серьги с изумрудами. Серьги были старинные, замечательной работы, но хрупкие.

Серьги были единственной фамильной драгоценностью, передавались в их семье от матери к дочери. Настя и не носила их никогда, потому что замочки ослабли и камни сидели неплотно. Больше в доме не было никаких драгоценностей, кроме Настиного обручального кольца. От него главный бандит пренебрежительно отмахнулся.

Сергей тогда еще что-то говорил, просил, обещал, умолял. Настя не слышала: увидела, как течет ее кровь, и упала в обморок. А когда очнулась, в квартире никого уже не было, кроме Сергея. Он сказал, что крови больше нет, там только царапина, она быстро заживет, так что даже в травмпункт идти не стоит, потому что там поинтересуются, откуда рана. А им сейчас лишнее внимание ни к чему.

Он был такой организованный — мигом привел в порядок разгромленную квартиру, перенес Настю в спальню, принес ей чай. И говорил, говорил... Говорил, что все теперь у них будет по-другому, все будет хорошо, что он с деньгами решит обязательно, что она может на него положиться. Что, когда он увидел, как бандит поднес к ее шее нож, в душе его все перевернулось, и он понял, что, если с Настей, его женой, что-нибудь случится, он не сможет больше жить.

Он так много говорил, что слова его слились в один поток, из которого изредка выскакивало «обещаю», «никогда», «стал другим человеком».

Настя никак не реагировала. После всего случившегося она обмякла, было ощущение, что из нее вытащили все кости и осталась только оболочка.

Наконец она уснула. Проснулась рано утром, когда было еще темно. Сергей рядом крепко спал. С чего, интересно, он взял, что стал другим человеком? Абсолютно такой же, ничуть не изменился. Зато она изменилась.

В ванной она рассмотрела засохшую корку на месте царапины. Все-таки шрам останется. И не только на шее, но и в душе.

Сергей подошел, неслышно ступая босыми ногами, и осторожно обнял ее сзади.

— Обещаю тебе, что больше они не войдут в эту квартиру никогда, — сказал он.

«Это уж точно», — подумала Настя, но опустила глаза, чтобы он ни о чем не догадался.

Потом он ушел, а она позвонила на работу, сказала, что плохо себя чувствует и сегодня не придет. Заняла у соседки Зои Васильевны денег на новый замок, вызвала мастера, которому пришлось заплатить за срочность. Пока мастер работал, она собирала вещи мужа. Мужа, который в ближайшее время перестанет быть им.

Набралось два чемодана. Она оставила их у Зои Васильевны в прихожей и позвонила ему на мобильный. Он ответил сразу, не стал ждать вопросов и доложил, что предпринимает все, чтобы достать денег. Он все время повторял: «мы», «с нами», «для нас», так что Настя не выдержала.

— Нет никаких нас, — сказала она твердо. — Теперь ты один, можешь делать, что хочешь. Я подаю на развод. В моей квартире ты больше не живешь.

Квартира и правда была ее, точнее, их с мамой. Незадолго до ее замужества мама встретила в книжном магазине одного симпатичного бельгийца и вышла за него замуж. Перед отъездом в Брюссель она

строго-настрога наказала дочери никого не прописывать в квартиру — потом, мол, не избавиться будет. И вообще, говорила мама, хорошо бы ей выбрать парня из нашего города. Здесь хоть можно посмотреть на его семью и понять, что люди из себя представляют. О некоторых сразу понятно, что связывать жизнь с такой семейкой не стоит.

У Сергея была квартира. Трехкомнатная, доставшаяся им с сестрой после смерти родителей. Но семья сестры состояла из пяти человек — она с мужем и трое детей, Сергею там места не было. Сестра отнеслась к Насте хорошо, особенно после того как узнала, что у нее есть собственное жилье. И все было прекрасно, они прожили два года, а потом...

Настя снова потрогала шрам на шее. Это придало ей сил.

— Послушай, — сказала она твердо и даже приподнялась со стула, — я тебе очень благодарна за помощь, но сейчас тебе лучше уйти. Со мной ничего не случится. Я приму обезболивающее и лягу спать.

— Хорошо! — Он согласился неожиданно быстро, а она-то думала, что с ним придется долго пререкаться. — Но я могу тебе позвонить завтра?

— Разумеется, — она кивнула на телефонный аппарат на тумбочке, — номер у меня тот же.

Два года назад она занесла его в черный список в сотовом, а к обычному телефону вообще не подходила. Так продолжалось месяца два, потом он перестал звонить.

— Ты не ходи, я сам дверь захлопну! — Он наклонился и чмокнул ее куда-то в висок. — Не ходи одна по двору, раз у вас здесь такое безобразие и черт знает кто шляется.